

© А.А. Закурдаев

ШКОЛА И ШКОЛЬНИК В КИТАЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: школа, школьник, гаокао (экзамен), каоши пай мин (ранжирование), рейтинг, чжуаньюань (выдающийся отличник), равенство, суверения

Настоящая статья посвящена изучению школы и школьника в контексте китайской концепции образования. Исследование показало, что связь современной сферы образования с государственной властью осталась в рамках традиционных представлений, и это не только определило специфический характер образования, но и явилось условием формирования одной из черт национального характера современного китайца.

Во время работы в 2010–2011 гг. в государственной организации “Жэньминь хуабao” (Пекин) мне пришлось столкнуться с весьма неадекватным, на мой взгляд, подходом: руководители время от времени сравнивали меня с другими сотрудниками. Казалось бы, серьезное учреждение, в котором работает квалифицированный персонал, знающий свое дело и ответственный за него. К чему здесь регулярное сопоставление кадров? Начальники не раз ставили в пример определенные моменты в поведении китайских коллег-сверстников, игнорируя не только национальные стереотипы поведения иностранца, но и правила деловой межкультурной коммуникации. Почему иностранец оказывается втянутым в систему отношений сравнительного типа? Конечно, со своим уставом в чужой монастырь не ходят, но не совсем понятно, зачем так открыто навязывать определенную модель поведения, приводя поведение китайских коллег в качестве образца. Что это – индивидуальный каприз или объективная реальность? Тогда не удалось ответить на этот вопрос. Однако со временем, по мере осознания и аналитической обработки собранного материала, я постепенно пришел к выводу, что истоки подобного отношения можно найти, обратившись к изучению детства китайцев и системы китайского образования.

Школа, школьное образование, школьная культура, школьник – все это является традиционным предметом исследования таких социальных наук, как педагогика, психология, этнология, социология, история. Соответствующие подходы позволяют вскрыть специфические аспекты этих феноменов. Школа и школьник в контексте китайской культуры в основном представлены в трудах отечественных китаеведов. Прежде всего следует сказать о Н.Е. Боровской, наверное, единственном в России китаеведе – специалисте в этой области. Она написала ряд работ, посвященных вопросам образования в Китае: “Школа в КНР. 1957–1972” (1974), “Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае” (2002), “Система императорских экзаменов в Китае” (2007), “Национальная специфика образования в эпоху глобализации: поможет ли нам опыт КНР?” (2008). Среди других специалистов, которые обращались к данной тематике, известен Д.Н. Воскресенский, написавший статью “Человек в системе государственных экзаменов” (1974). В своей книге “Китай: страницы прошлого” (2000) В.Я. Сидихменов посвятил отдельную главу школе и образованию в старом Китае.

Фрагментарные сведения есть и в работе К.М. Тертицкого “Китайцы: традиционные ценности в современном мире” (1994).

С точки зрения социальной антропологии/этнологии изучение темы образования не может ограничиваться ее структурными составляющими и соответствующей социологической статистикой. Образование, выступающее в качестве социально-культурного явления, следует изучать как многофункциональную и зависимую от других социально-культурных сфер структурообразующую и социоорганизующую систему, без связи которой с различными сторонами жизни общества нельзя понять ее роль и степень социальной значимости. Кроме того, любой аспект жизнедеятельности общества невозможно рассматривать без учета его основного субъекта – человека. Без выраженного в материальном или духовном виде индивидуального отношения человека к тому или иному явлению трудно постичь степень важности и укорененности данного феномена в культуре общества.

Предметом настоящего исследования является ребенок-школьник в контексте китайской концепции образования. Автор применяет историко-функциональный подход, позволяющий выявить социально-культурную роль образования в жизни китайца.

Были поставлены следующие задачи:

1. Определить связь современного образования и власти.
2. Показать, как иерархия во власти проецируется на сферу образования.
3. Выявить социально-культурную роль и значение образования в жизни китайца.

Для решения задач автор обратился к изучению научных трудов: “Система *кэцзюй*¹ и культура Нового времени” доктора исторических наук, профессора Института социальной истории Фуцзяньского педагогического университета Яна Цифу, и “Исследование системы *кэцзюй* в Китае” доктора исторических наук, профессора Пекинского педагогического университета Вана Бинчжао (1934–2009). Кроме этого, появилась необходимость в изучении юридических источников, регламентирующих отношения в сфере современного образования, – Закона КНР “Об обязательном образовании” (1986) и Закона КНР “Об образовании” (1995). Важным материалом при написании данной статьи стал “Научно-исследовательский отчет о китайских студентах, получивших наивысшие экзаменационные баллы при вступлении в вуз”, опубликованный на сайте Ассоциации выпускников Китая в 2009 г. Весьма полезными оказались результаты общегосударственного обследования, посвященного самоубийствам школьников (2005). В ходе решения третьей задачи были использованы материалы этнографически интересной статьи “Многочисленные рассуждения о суевериях, связанных с *гаокао*”², опубликованной на самом передовом в китайском Интернете сайте Sohu.com. В настоящую работу также включены материалы наблюдений и бесед с китайцами.

Представляется, что статья будет особенно интересна тем, кто занимается вопросами социальной антропологии детства и этнографией Китая.

* * *

В китайском языке существует выражение “ван цзы чэн лун”³ – «надежда на то, что сын станет “драконом”». Эта идиома глубоко вошла в духовную жизнь народа. Она отражает чаяния родителей о будущем своего ребенка и семьи в целом. Поэтому именно с данного фразеологизма стоит начать исследование. Ключевыми словами выражения являются “сын” и “дракон”. В прошлом дракон считался символом власти, знатности, уважения и счастья. Ныне он олицетворяет собой знаменитость, яркую, талантливую личность. По аналогии с идиомой, имевшей отношение к сыновьям, появилась другая: “ван нью чэн фэн” – «надежда на то, что дочь станет “фениксом”». Феникс так же, как и дракон, олицетворяет успешного человека, прославившегося способностями и деяниями.

Надежда на то, что дети будут выдающимися людьми, проходит красной нитью через китайскую концепцию воспитания и образования. В связи с этим стоит рассказать об одном предании⁴, к которому восходит идиоматическое выражение “ван цзы чэн лун”:

Жил-был министерский советник, у которого не было сына. Однажды он отправился в храм, чтобы воскурить в честь богини Гуаньинь⁵ благовоения и попросить у нее сына. Прошло некоторое время, и когда супруге советника исполнилось сорок лет, она забеременела. Пока она была в положении, для ребенка изготовили нефритовый жезл⁶, известил родственников. Радость была поистине велика. В семь месяцев малыш умел сидеть, в восемь – ползать, а в девять у него стали резаться зубки. В десять месяцев он сделал первые шаги и сказал первые слова. Семья была на седьмом небе от счастья, а уж советник тем паче. Он с большим усердием принялся воспитывать сына. В три-четыре года малыш освоил письмо и сочинение, уверенно отвечал на вопросы отца. Наконец настал момент, когда отец, министерский советник, уже не мог научить своего сына чему-либо, а потому поспешил взять его на испытание *кэцзюй*. В связи с тем, что ребенок был очень мал, он не смог переступить порог экзаменационного зала. Тогда отец посадил его на свою шею и вошел в зал. Однако чиновник-экзаменатор, который регистрировал и раздавал экзаменационные вопросы, увидев человека, несущего на своей шее ребенка, с удивлением спросил: “Что за человек, несущий на шее ребенка, будет сдавать экзамен?”. Услышав этот вопрос, ребенок тут же сказал в ответ: “Тот, кто несет, не сдает экзамен. Тот, кто сдает экзамен, не несет [бремя. – А.З.]. Хотя ритуал и остался без почтения, но чувство [любви отца к сыну. – А.З.] – истинно”. Сказав это, ребенок сложил руки перед грудью и поприветствовал ошеломленного чиновника (Словарь... 2000).

По моему мнению, эта история наглядно показывает, на что способен родитель ради карьерного продвижения ребенка и прославления своей фамилии. Отец, заботясь об интересах семьи и будущем своего сына, готов нарушить ритуал – ту основу, на которой зиждется социально-культурная жизнь китайского общества. Отца не волнует, что кто-то может сказать об этой ситуации: “ци фу вэй ма” – “верхом на папе, как на лошади”. Для него не существует “потери лица”, ведь нарушение ритуала оправдывается его сильным желанием “превратить” своего сына в “дракона”.

Почему китайские родители так сильно хотели, чтобы их дети непременно успешно сдали государственные экзамены и приобрели самый высокий образовательный уровень? Ответ на этот вопрос очевиден. Как известно, в древнем Китае самым привилегированным сословием, охраняющим конфуцианские ценности, на которых основана государственная власть, являлись *шэньши*. Чтобы стать хранителем основ социальной и политической стабильности общества, необходимо было пройти соответствующее обучение и сдать государственные экзамены. Кандидат в сословие *шэньши* стремился отвечать всем требованиям “цзюньцзы” – конфуцианского идеала “благородного мужа”. В награду за это человек приобретал знатность, влияние и, несомненно, материальное благополучие. Стоит ли удивляться, что во второй половине XIX в. на долю *шэньши* и их семей (около 2% от общей численности населения Китая) приходилась почти четверть национального дохода страны (Крюков и др. 1993: 53). Как видно, в иной мотивации нет необходимости. Образовательная система Китая являлась частью государственного политического механизма, своеобразной подстройкой государственной службы. История образования тесно переплеталась с историей политической системы, дававшей своим представителям привилегированное право на управление ресурсами страны. Достаточно небольшого экскурса в историю образования, чтобы увидеть взаимозависимость этих двух сфер.

Так, во времена Западного Чжоу (1046–771 гг. до н.э.) функционировала образовательная система “гуань сюэ” (“обучение чиновников”), которая фактически находилась в ведении органов власти. По иерархии властных органов в ней выделяли учебные заведения “го сюэ”, подведомственные центральным органам власти, и “сян сюэ”, находившиеся под управлением местной власти. В программу образования входило

“лю и” (“шесть искусств”): ритуал, музыка, стрельба из лука, верховая езда, каллиграфия и математика. Характерными особенностями системы “гуань сюэ” были “сюэ цзай гуаньфу” (монополия чиновников на образование) и “чжэн цзю хэ и” (единство власти и образования). Начиная с периода Восточного Чжоу (770–256 гг. до н.э.) значение “гуань сюэ” стало снижаться, а практика частной образовательной деятельности, напротив, получила общественное признание. В этом революционном перевороте особая роль принадлежала Конфуцию (551–479 гг. до н.э.), у которого было три тысячи учеников (*Го Пэн* 2003: 59). Развитие частной образовательной практики стало важной вехой в истории китайского образования и культуры в целом. Новая форма образования послужила предпосылкой для развития периода “ста школ”⁷.

Однако очень скоро, с появлением централизованной империи, социально-политический плюрализм был вытеснен единой государственной доктриной. Ханьский император У-ди (156–86 гг. до н.э.) принял предложение известного мыслителя Дун Чжуншу (179–104 гг. до н.э.) о придании конфуцианству статуса государственной идеологии, внедрении в жизнь системы “сюань ши” (отбор кандидатов в чиновники) и проведении политики систематического культурно-идеологического образования (*Го Пэн* 2003: 87). Можно сказать, что этот исторический факт стал началом формирования стержня китайской национальной культуры – триады “образование, идеология, власть”, которая, получив успешное применение в деле социального строительства на протяжении эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), обеспечила себе возможность ренессанса при любом проявлении имперского сознания. Так, после долгого периода децентрализации и внутренних войн в Китае, под властью династии Суй (581–618) вновь обозначилась тенденция к объединению страны и национальной консолидации. Именно в это время император Ян Гуан (569–618) учредил новую систему государственных экзаменов, получившую название *кэцзюй* (*Ян Цифу* 2003: 1), что привело к еще более глубокому укоренению в китайской культуре триады “образование, идеология, власть”. В последующую эпоху Тан (618–907) система *кэцзюй* была окончательно сформирована, а в Сунскую эпоху (960–1279) стала основной формой отбора чиновников на уездный, провинциальный и столичный уровни. Основными материалами для подготовки к экзаменам *кэцзюй* являлись собрания авторитетных конфуцианских канонов “Сы шу”⁸ и “У цзин”⁹. С приходом к власти династии Мин (1368–1644) форма государственных экзаменов претерпела небольшие, но значимые изменения. В 1487 г. была введена форма “ба гу вэнь” (“восьмичленные сочинения”), представлявшая собой единый образец для конфуцианского сочинения, которое должно состоять из восьми разделов. Нововведение сковано государственную идеологию и лишило ее творческого развития. Ее господство продолжалось вплоть до 1905 г., когда цинское правительство аннулировало систему *кэцзюй* (*Ван Бинчжао* 2002: 50–53).

Как мы видим, в старом Китае система экзаменационных испытаний и подстроенная под нее система образования выступали в качестве механизма социального отбора людей, способных поддерживать надлежащее функционирование громоздкой государственной машины. Социальный отбор такого типа являлся надежной гарантией сохранения китайской цивилизации. Система *кэцзюй* оправдывала себя тринадцать столетий, и недаром о ней говорят как о пятом великом китайском изобретении¹⁰. Э. Гессе-Вартег писал: “Более высокой цели в жизни, чем получение ученой степени, в Китае не знали, и как полторы тысячи лет назад, так и теперь к этой цели нельзя прийти иначе, чем пройдя через государственные экзамены. Никто не может сделаться ни простым чиновником, ни мандарином, ни министром, ни посланником, не сдав экзамены, – по крайней мере, таков закон” (*Все о Китае* 2002: 518).

Конечно, в древнем Китае к прохождению государственных экзаменов допускались люди разного возраста и социального происхождения. Однако если взрослый, состоявшийся человек по своей воле принимал соответствующее решение, то юноша, соблюдавший нормы “сяо” (учение о сыновней почтительности), как правило, следовал

желанию отца. В древнем Китае не было специального юридического акта о школьном образовании, который бы принуждал всех детей готовиться к сдаче государственных экзаменов. Поэтому выбор всегда оставался за родителями, именно они, исходя из практических соображений и собственной системы ценностей, решали судьбу своих детей – убеждали, настаивали и принуждали сыновей к изучению конфуцианских канонов, чтобы впоследствии дети успешно проходили испытания на право заниматься государственной службой. Мечта родителей о том, чтобы их сын вошел в привилегированное сословие *шэньши*, определяла высокую степень жесткости и строгости по отношению к ребенку.

В современном Китае эта мечта стала вполне достижимой. К желанию родителей присоединилась государственная воля, реализованная в Законе КНР “Об обязательном образовании” (1986) и Законе КНР “Об образовании” (1995). Эти меры оказались не только стимулирующими в решении вопроса детской неграмотности, но и привели к удлинению периода детства всех китайских детей на территории страны. Вместе с тем личность ребенка оказалась под двойным давлением – как со стороны семьи, так и государства, сохранивших традиционные взгляды на природу образования. Стоит только вчитаться в статьи Закона КНР “Об образовании”, чтобы увидеть всю ту же триаду “образование, идеология, власть”. Например, в ст. 3 написано: “Государство, руководствуясь идеологией марксизма-ленинизма-маоизма и теорией построения социализма с китайской спецификой, следует основным конституционным принципам в деле развития социалистического образования”. В ст. 5 говорится: “Образование призвано служить делу проведения социалистической модернизации; должно сочетаться с производственным трудом и нравственно, интеллектуально и физически воспитывать строителей социализма и их наследников”. Ст. 6 гласит: “Государство дает образование, воспитывая в учениках патриотизм, коллективизм, социализм, а также формирует представление об идеалах, нравственности, дисциплине, правопорядке, обороноспособности страны и единстве народов страны”. Согласно ст. 8, “Образовательная деятельность должна соответствовать интересам государства и общества. Государство отделяет образование от религии. Ни одна организация или физическое лицо не могут посредством религии осуществлять какую-либо деятельность, препятствующую нормальной работе государственной системы образования”. В ст. 14, 15 и 16 определены государственные органы, к компетенции которых относится сфера образования.

Таким образом, наблюдаются все те же характеристики (“сюэ цзай гуаньфу” – монополия чиновников на образование и “чжэн цзяо хэ и” – единство власти и образования), свойственные древнекитайской образовательной системе. Государство не только контролирует сферу образования, но и активно участвует в формировании базовой основы личности китайца, его целей и идеалов. Государство по-прежнему решает, к чему должны стремиться родители в воспитании своих детей. Вставая на путь образования, китайский ребенок, по мнению автора, обречен на формирование иерархичности и поступательное развитие, причем обремененное всевозможными ярлыками, этикетными маркерами. Иерархия, характерная для политической системы Китая, неизбежно проецируется на систему образования. Иерархия всегда влечет за собой состязательность. Желание добиться высшего результата и получить некое подтверждение его в виде награды или титула естественным образом порождается системой образования, вплетенной в государственную “сетку” власти.

На сегодняшний день в Китае действует система основного образования, включающая дошкольное, начальное, среднее и высшее образование (ст. 17 Закона КНР “Об образовании”). Таким образом, с трех лет ребенок вовлекается в процесс социализации с активным участием образовательных организаций, по названию которых выделяют детсадовский, школьный и университетский этапы. В детском саду ребенок проходит младшую, среднюю и старшую группы. С шести-восьмилетнего возраста

его отправляют в начальную школу, в которой он учится в течение шести лет. Затем он переходит в среднюю школу начальной ступени, где осваивает трехлетнюю программу, после чего имеет возможность закончить школьное обучение. Таким образом, эти два этапа составляют неполное среднее образование, являющееся в соответствии с законодательством КНР обязательным и бесплатным. Однако на этом учеба не заканчивается. Государство предлагает выбор для тех, кто не имеет возможности продолжать обучение в средней школе высшей ступени. Прежде всего альтернативой являются среднее специальное учебное заведение и профессиональное училище, дающие право поступления в профессиональное высшее учебное заведение. У тех, кто имеет возможность продолжать учебу в средней школе высшей ступени, есть перспектива поступления в обычный университет, программа которого предполагает получение академических степеней (бакалавр, магистр, доктор).

На первый взгляд, образовательная система Китая не имеет ничего специфического и формально повторяет систему образования многих стран. Иерархия образовательных уровней лишь указывает на последовательность, которой должны придерживаться все, вставшие на путь образования. Однако поскольку в современном Китае образование и власть продолжают оставаться взаимозависимыми частями одного целого, то иерархия не только оформляет образование, но и определяет его характер. Иерархия является функционально значимой константой, порождающей и поддерживающей конкуренцию среди учеников, преподавателей и образовательных учреждений соответственно. Она же определяет подходы к ученикам как потенциальным государственным кадрам, которые должны быть самыми лучшими. Ввиду этого получение полного среднего, а затем и высшего образования считается в обществе наиболее предпочтительным.

Рассмотрим ряд характерных явлений, порожденных иерархией в китайском образовании. Прежде всего стоит сказать о явлении ранжирования учеников, преподавателей, учебных заведений по признаку их успеваемости. Ярким проявлением этого феномена выступает школьная традиция *каоши пай мин*, о которой автору рассказала одна китайка, обеспокоенная рейтингом своей дочери в классе. Суть этой традиции заключается в том, что после текущих экзаменов учитель публично оглашает результаты, заносит их в специальную таблицу рейтинга. Таким образом, исходя из количества набранных экзаменационных баллов каждый школьник условно получает свой номер, с которым он будет соотноситься до следующих экзаменов. Ученик, получивший самую высокую отметку, приобретает преимущественное право войти в класс первым и занять по своему усмотрению понравившееся ему место. Такое право обычно предоставляется десятерым успевающим школьникам. Остальные ученики входят в класс и садятся туда, куда указывает учитель. Последнему ученику, естественно, достается самое худшее место (потому что оно последнее). Чем ниже успеваемость, тем меньше возможностей – такова мораль этой традиции. Если ребенок по каким-то причинам получает самый низкий балл, то, занимая последнюю строчку в рейтинговом списке, он лишается права на самоопределение, что вызывает у него различные психосоматические заболевания (ПМА 2011).

Другим объектом ранжирования выступает школьный учитель. Его рейтинговый номер напрямую зависит от того, сколько неуспевающих учеников останется у него к концу учебного года. Итоги суммируются, и на их основании выводится рейтинг, который заносится в специальную таблицу. Как выглядит одна из таких таблиц, выложенная на популярном сайте, посвященном вопросам культуры и образования, см. на стр. 110.

Я привел лишь первые данные таблицы рейтинга, созданной в марте 2011 г. Всего же в нее включены 56 педагогов, работающих в школах уезда Динтао провинции Шаньдун. Подразумевается, что ранжирование также должно ориентировать учителя на повышение качества преподавания: низкий рейтинг наказывается штрафом, а высокий, напротив, награждается премией. При относительно низкой средней заработной плате учителя – менее 30 тыс. юаней в год (около 150 тыс. руб.) – любой штраф или

Таблица 1

Ранжирование учителей по количеству отстающих учеников

Название школы, имя учителя	Текущая аттестация	Семестровая аттестация	Средний балл	Рейтинговый номер
Средняя школа волости Наньван-дянь, учитель Ван Пин	1	1	1	1
Средняя школа № 2 с. Мацзи, учитель Цзоу Юйхуа	1	1	1	2
Средняя школа с. Мацзи, учитель Пэй Шэн	1	2	1,5	3
Средняя школа волости Наньван-дянь, учитель Цуй Синьжуй	2	1	1,5	4
Средняя школа с. Чжанвань, учитель Дун Либо	1	2	1,5	5
Средняя школа волости Фаншань, учитель Ван Дун	1	2	1,5	6
Средняя школа волости Фаншань, учитель Ю Цзяньхуа	2	1	1,5	7
Средняя школа № 2 с. Мацзи, учитель Ли Линьжун	2	2	2	8

Источник: <http://wenku.baidu.com>

премия воспринимаются весьма чувствительно, и дело здесь не только в размере зарплаты, но, в конечном счете, в рейтинге самого образовательного учреждения. Прямая зависимость успеваемости учителей от успеваемости школьников непосредственно влияет на успеваемость самой школы.

Конечно, взаимодействие такого рода порождает неравенство среди школьников, учителей, учебных заведений, но, с другой стороны, Закон КНР “Об образовании” никак не регулирует этот момент, что создает условия для возникновения новых стимулов развития рейтинговой системы. Так, начиная с 2005 г. действует практика, согласно которой раз в два года обнаружится “Список ста сильнейших школ Китая” (“Чжунго байцян чжунсюэ”). Представляется, что этот список призван способствовать развитию качества школьного образования и повышению рейтинга образовательного учреждения в масштабах всей страны. Стоит подчеркнуть, что в истории образования в Китае это новшество выступает лишь в качестве очередного шага к укоренению рейтинговой системы как социоорганизующей единицы. До появления его действовали другие списки, например “Ведущие школы города” (“Шичжундянь”), “Ведущие школы провинции” (“Шэнчжундянь”), “Образцовые школы высшей ступени” (“Шифаньсин гаочжун”).

Таким образом, видно, что в настоящее время в китайском обществе продолжается процесс развития системы ранжирования, формирующей одну из главных национальных черт китайцев – состязательность. Конечно, Закон КНР “Об образовании” гарантирует всем гражданам страны равное право на образование (ст. 9, 36), но он не запрещает систему ранжирования, что создает условия для возникновения неравенства. Порождаемое системой образования с укоренившимся в ней рейтинговым подходом неравенство приводит к появлению социально-психологической напряженности в вопросах школьного образования и развитию так называемого комплекса *чжуанъюань*.

Кажется вполне естественным, что иерархия, равно как и система ранжирования по признаку успеваемости, невозможна без самого высокого титула, который теоретически является самоцелью для каждого китайца. Этот титул получил название *чжуаньюань* – “самый лучший”. Призрачная мечта жителя Поднебесной “подняться к старости до императорских палат” (*Лу Синь* 1954: 8) всегда выступала в качестве руководства к действию. В настоящее время, когда в Китае начался период централизованного развития, звание *чжуаньюань*, так же как и вся конфуцианская идеология, переживает очередное рождение. В 1977 г. была восстановлена *гаокао* – система единых государственных экзаменов в высшие учебные заведения Китая, а вместе с ней был возрожден титул *чжуаньюань* (Отчет... 2009: 6). Как говорят в Поднебесной: “После десяти лет упорной затворнической учебы наступает момент быстрой головокружительной карьеры” (“Ши нянь хань чуан у жэнь вэнь, и цзюй чэн мин тянься чжи”). Современный китайский ребенок вновь оказался поставленным на этот путь – путь, ведущий, с точки зрения взрослого китайца, обратившегося к конфуцианской базовой личности, к жизненному успеху. Двенадцать лет полного среднего образования должны быть завершены блестящим прохождением экзаменов *гаокао* и получением звания *чжуаньюань*.

В древнем Китае экзаменационная система *кэцзюй* как раз и была ориентирована на выявление самого лучшего кандидата на государственную должность. Именно такого человека и называли *чжуаньюань* (Отчет... 2009: 6).

Сегодня многие китайцы говорят об экзаменах *гаокао* как о своеобразной вариации экзаменов *кэцзюй*. Впрочем, это неудивительно, потому что сложившаяся за столетия культура *чжуаньюань*, подобно любой другой конфуцианской ценности, проявляется каждый раз, когда наступает период расцвета централизованного государства. Почему? Потому что государству нужны лучшие люди.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что родители становятся одержимы идеей успешного обучения своего единственного ребенка. Они хотят, чтобы его фотография висела на большом стенде у входа в школу, чтобы о нем написали в СМИ, чтобы его внесли в списки тех, кто получил титул *чжуаньюань*. Как пишет Чжан Вэньчжи, “мы [родители. – А.З.] не имеем права на ошибку” (*Чжан Вэньчжи* 2009: 17). Здесь имеется в виду то, что в современном Китае, где осуществляется демографическая политика “одна семья – один ребенок”, родители должны вложить в ребенка максимум того, что позволит взрастить выдающегося человека, даже в ущерб его здоровью (Там же: 18). Озабоченные проблемой поиска репетиторов, дополнительных курсов и, главное, школы, имеющей звание “образцовой”, родители, мягко говоря, превращаются в исключительных координаторов жизни ребенка. Конечно, современная система образования КНР предоставляет семьям альтернативу выбора школы по своему усмотрению. Можно прибегнуть к способу случайного выбора, осуществляемого компьютером в администрации того района, в котором зарегистрирован ребенок, или к способу зачисления ребенка в определенную школу, находящуюся ближе всего к его месту жительства. Как мы видим, выбор есть, но вопрос заключается в его правильности, а она обусловлена целью – успешно сдать экзамены *гаокао*, получить звание *чжуаньюань* и поступить в университет с высоким рейтингом.

Таким образом, ребенок вступает на односторонний путь своего духовного развития, где обществом задан только один – успешный – сценарий. Получается, что все в школьном периоде детства подчинено формированию в детях чувства карьеры, реально осуществить которую можно только после успешного прохождения экзаменов *гаокао*.

Социально-культурное значение этих экзаменов, так же как и рейтинговой системы, огромно. Унаследовав, благодаря культуре *чжуаньюань*, дух экзаменов *кэцзюй*, *гаокао* выступают в качестве своеобразной инициации, которая открывает двери во взрослый мир. До сих пор ребенка, который поступает в университет, образно называют “тяо

лунмэнь” (“прыгающий в драконовы врата”). В прошлом слово “лунмэнь” обозначало главный вход в зал, где сдавали государственные экзамены на государственную службу. Поэтому в настоящее время возможность поступления в вуз и получение хорошего высшего образования по-прежнему считаются в жизни школьника “мостом”, ведущим к “берегу успеха и процветания”, а двенадцатилетнее основное образование – необходимым условием допуска к этому “мосту”. Мост, правда, состоит из одного бревнышка (кит. “ду му цяо”), что крайне усугубляет психологическую напряженность в обществе и приводит к порождению того самого комплекса *чжуаньюань*.

О значении экзаменов *гаокао* свидетельствуют связанные с ними обычаи, суеверия, ритуалы. Прежде всего следует сказать о возможности установления магической связи человека, которому предстоит пройти экзамены, и человека, который уже сдал их – причем не просто на “отлично”, а набрал рекордное количество баллов или вошел в пятерку лучших, т.е. получивших право называться *чжуаньюань*. По китайским представлениям, вещь имеет свойство передавать судьбу своего прежнего владельца новому. В связи с этим родители школьника стараются во что бы то ни стало достать какую-нибудь вещь, желательно из одежды, выдающегося отличника. Особое развитие получила практика “гаокао мицзи”, позволяющая максимально сконцентрироваться на экзамене. Секрет этой сосредоточенности состоит в использовании “чжуаньюань нэйку” (нижнего белья *чжуаньюаня*), что считается крайне эффективным средством (Бу Фаньлун 2011).

Другое интересное проявление контагиозной магии заключается в приобретении удачи на экзаменах посредством употребления в пищу продуктов, в названия которых входит слово *чжуаньюань*, например: “чжуаньюань бин” (“печенье выдающегося отличника”), “чжуаньюань цзун” (“цзунцзы¹¹ выдающегося отличника”), “чжуаньюань цзиди чжоу” (“каша выдающегося отличника”), “чжуаньюань цзиди танбао” (“суп выдающегося отличника”). Китайцы также обращают внимание на более или менее созвучные с *гаокао* названия продуктов. Так, в словах “мяньбао” (“хлеб”), “даньгао” (“торт”), “хуанцзинь гао” (“золотое пирожное”) слог “бао”/“гао”/“гао” созвучен с “гао”. Эти продукты, как того требует суеверие, необходимо есть на завтрак перед экзаменами (Там же). А накануне вечером родители готовят блюдо из карпа. Чтобы ребенок успешно сдал экзамены, они настоятельно просят его съесть кусочек головы, туловища и хвоста этой рыбы (Там же). Объяснение такого суеверия мы, естественно, находим в магической связи идиоматического выражения “ли тяо лунмэнь”, что буквально означает “камп прыгает во дворец”. Так иносказательно китайцы передавали успех экзаменуемого человека на государственных экзаменах в древнем Китае.

Вообще на подобных проявлениях контагиозной магии китайские предприниматели сделали неплохой бизнес, выведя на рынок различные продукты питания с названиями, имеющими отношение к *гаокао*. Например, в магазинах г. Наньтун (провинция Цзянсу) появилось пирожное “Бу бу гао шэн”, названное по одноименной идиоме, обозначающей “непрерывный карьерный рост” (Там же).

Крайне важно, чтобы подготовке школьника к *гаокао* частично или полностью осуществлял *чжуаньюань*, причем он должен быть уже студентом-первокурсником. Знания, полученные от такого человека, считаются особенно ценными. В связи с этим в обществе возник спрос на услугу “гаокао баому” (“нянька для подготовки к гаокао”). Помимо обязанностей стирать одежду, готовить еду и убирать квартиру “нянька” занимается специальной подготовкой ребенка к экзаменам и в частности следит за его так называемым функциональным питанием. Поэтому стоимость услуг “няньки” выше, чем обыкновенной домработницы или домашнего репетитора (Дин Лэй 2007). Как говорят сами китайцы, практика “гаокао баому” отвечает родительским чаяниям, выраженным в идиоме “ван цзы чэн лун” – “надежда на то, что сын станет “драконом”».

Среди других традиций, характерных для периода подготовки к экзаменам, весьма актуален запрет на употребление в пищу вермишели “гуамянь”, иначе экзамене-

нующийся может впасть в уныние и забыть нужные слова (“гуа” означает “висеть”, “зависнуть”, отсюда страх “зависнуть” на экзамене). Также существует обычай брать на экзамен противозачаточную таблетку, название которой по-китайски звучит как “биюнь”, что созвучно со словом “биюнь” – “головокружение”. Школьники верят, что это защитит их от мутного сознания (*Бу Фаньлун* 2011). Вообще надо отметить, что напряжение во время экзаменов вынуждает школьников активно прибегать к приему антидепрессантов и стимуляторов. В китайском языке даже появилось такое понятие, как “гаокао синфэнь цзи” – “допинг для тех, кто сдает гаокао”. Подробнее об этом можно узнать в Интернете, достаточно ввести в строку поиска поисковой системы Baidu ключевое слово.

Как и раньше, в день, когда ребенок держит экзаменационные испытания, родители молятся в буддийском храме. Считается, что если в этот день пошел дождь, то божества услышали молитвы и дали благословление. Вероятно, здесь также усматривается проявление воли Дракона, заведующего живительной влагой, несущей благополучие и богатство.

Итак, как видно, многое, лежащее в основе современной школьной жизни китайского ребенка, подчинено родительской мечте о “драконовой” карьере своего чада. Однако это вовсе не означает, что у ребенка и его родителей нет выбора. Китайцы понимают, что если не удастся сдать вступительные экзамены в университет, то появится другая перспектива. Тем не менее, как говорится, умом-то понимают, а душой делают иначе. Почему традиция все-таки берет свое? На взгляд автора, дело заключается в мифологизации образования и образовательных учреждений. Здесь идет речь о популяризации связи школы с именами ее выдающихся учеников и выпускников, живших в разные периоды истории Поднебесной. Многие из образовательных учреждений, входящих в “Список ста сильнейших школ Китая”, были основаны в начале прошлого столетия и считаются культурными преемниками учреждений, где проводили государственные экзамены на право заниматься государственной службой (*кэцзюй*). Так, средняя школа города Хуанган провинции Хубэй, согласно информации ее официального сайта, была основана в 1904 г. на базе местного учреждения, где во времена правления династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) проходили экзамены *кэцзюй*. Из стен Хуанганской школы и ее предшественника вышли более 400 выпускников, ставших видными военными, и свыше ста – деятелями культуры. Дун Биу (1886–1975, заместитель премьера КНР и исполняющий обязанности председателя КНР), Би Шэн (ок. 970–1051, изобретатель глиняного шрифта), Ли Шичжэнь (1518–1593, врач, фармаколог), Чэнь Тяньцун (1896–1943, деятель КПК), Вэнь Идо (1899–1946, поэт, публицист), Ли Сыгуан (1889–1971, геолог, основатель китайской геомеханики), Сюн Шили (1885–1968, философ, неоконфуцианец), Ху Фэн (1902–1985, литератор) и другие знаменитости прославили и страну, и Хуанганскую школу (*О школе... 2011*).

То же самое можно сказать и о других образовательных учреждениях этого уровня, таких как средняя школа “Яли” г. Чанша, средняя школа “Башу” г. Чунцин, средняя школа “Нанькай” г. Тяньцзинь, средняя школа № 1 г. Хэфэй и т.д.

Таким образом, факт того, что в данной школе учились выдающиеся люди, вызывает у родителей желание отдать своего ребенка именно туда, чтобы он пошел по стопам “выдающегося человека”. Как видно, и здесь усматривается проявление все той же contagiозной магии. Конечно, степень успеваемости в таких учреждениях выше, чем в школах, имеющих низкий рейтинг, и это также влияет на родительское решение.

Видно, что ребенок школьного периода детства находится во власти традиционной концепции воспитания, которая по-прежнему предписывает ему определенное поведение и формирует в нем должные представления о модели социальных взаимоотношений. Действительно, давление, оказываемое на него со стороны семьи и

государства, огромно. Тем не менее, не так уж и важно, как ребенок пережил этот период. Важно, чтобы в конце своего школьного пути он поступил в вуз, а его родители по этому случаю устроили “сэ ши янь” – благодарственный банкет в честь его учителей. Эту традицию, насчитывающую не одно тысячелетие, также называют “шэн сюэ янь” – “банкет по случаю повышения образовательного ценза”. Не организовать такое мероприятие нельзя, иначе все будут думать, что ребенок не прошел экзамены или “потерял лицо”, да и само по себе игнорирование традиции и есть “потеря лица”.

Однако как обстоит дело с теми, кто не сумел перейти на “берег успеха”, или с теми, кто вообще не дошел до “мостика из одного бревна”? Представляется, что эти люди в своей массе и составляют “ли минь” – “простой народ”. Именно этим словом раньше обозначали тех, кто не сдавал или не сдал государственные экзамены.

Исходя из вышесказанного, автор приходит к выводу о том, что *гаокао* и подстроенная под нее мифологизированная система образования, очевидно, являются причиной социального расслоения общества. Да, у всех есть равные возможности на приобретение более высокого социального статуса, но не у всех есть способности преодолеть конкуренцию, порожденную системой ранжирования. Автор считает, что именно с момента очередного возрождения в 1977 г. конфуцианских традиций – системы *каоши пай мин*, культуры *чжуаньюань* и системы единых государственных экзаменов в вуз (*гаокао*) – в обществе наметилась тенденция к социальному расслоению. Так, с 1980 по 2005 г. коэффициент Джини¹² вырос с 0,27 до 0,47 (Лю Ган 2009). Стоит сказать, что отметка 0,4 считается границей, за которой велика опасность социальной дестабилизации. В 2010 г., по оценкам сотрудников Академии наук КНР, этот коэффициент уже превысил показатель 0,5 (Синьхуа 2010). Очевидно, что Китай вновь движется к ситуации, в которой *шэньши* постепенно сосредотачивают в своих руках большую часть материальных ресурсов страны, как это было во второй половине XIX столетия. К чему может привести такая ситуация, покажет будущее.

В настоящее время в Китае ведутся оживленные дискуссии о целесообразности школьной традиции *каоши пай мин*. Одни выступают против подобной, как они ее называют, дискриминации, приводящей к возникновению у детей чувства неуверенности, самоунижения и даже желания самоубийства, другие – наоборот, за, мотивируя тем, что рейтинговый подход максимально стимулирует к лучшей успеваемости. Однако можно ли вообще сопоставлять отличную успеваемость и желание самоубийства, порожденные ранжированием и неравенством?

В 2005 г. сотрудники Научно-исследовательского института здоровья детей и молодежи Пекинского университета провели социологическое обследование общегосударственного масштаба. В нем приняли участие 141 580 детей и подростков (69 091 респондент мужского пола и 72 489 респондентов женского пола) в возрасте от 10 до 24 лет. В результате было выявлено, что 20,4% опрошенных (17% мальчиков и 23,7% девочек) задумывались о самоубийстве, а 6% (5,7% и 7,4%, соответственно) – неуспешно осуществили его. Причины такого желания заключаются в одиночестве (50,1% и 56,9%), жизненном разочаровании и депрессии, связанной с учебой (64,4% и 72,6%), психологическом беспокойстве и бессоннице (37,1% и 39,9%), пребывании в протрации в течение двух и более недель (по 17%). По словам одного из авторов обследования, в сравнении с данными, полученными в ходе подобного обследования в 2002 г., результаты 2005 г. показывают очевидную тенденцию роста – на несколько сотен процентов (Обследование... 2005).

Хотя это обследование не указывает на прямую связь между *каоши пай мин* и склонностью школьников к суициду, тем не менее рисует ясную картину того, в каком напряженном, а порой критическом состоянии пребывают китайские дети школьного возраста.

Есть мнение, что поскольку Китай – самая многонаселенная страна, то и количество самоубийств больше. Да, с одной стороны, это так, но, с другой стороны, именно культурные традиции и государственная социально-экономическая политика создают те условия, при которых люди в конце концов совершают роковые акты самоубийства.

* * *

Однажды, придя на работу, я между делом спросил коллегу-китайку: а правда, что китайцы называют своих детей “маленькими императорами”? Она улыбнулась и ответила: «Да, именно так. Еще мы говорим о детях: “ван цзы чэн лун” («надежда на то, что сын станет “драконом”») и “ван нью чэн фэн” («надежда на то, что дочь станет “фениксом”»). Мы говорим так, потому что хотим вложить все самое лучшее в единственного в семье ребенка» (ПМА 2010). Да, в этом случае прав и Чжан Вэньжи, сказав, что родители [в Китае. – А.З.] не имеют права на ошибку (*Чжан Вэньжи* 2009: 17).

При анализе вышеизложенного материала и заключений, сделанных по ходу исследования, мне в голову вдруг пришла мысль, что политика “одна семья – один ребенок”, введенная в 1979 г., явилась мощным стимулом для возрождения концепции “ван цзы чэн лун” («надежда на то, что сын станет “драконом”»). Если бы не политика ограничения рождаемости, то, может быть, родители при наличии нескольких детей не так активно координировали их жизнь, а рейтинговый подход с вытекающим из него социальным неравенством не получил бы столь значительного развития.

В современном Китае, наверное, все понимают, что путь к успеху пролегает через высшее образование, доступ к которому возможен только после успешного прохождения полной средней школы, и всё потому, что эта важная социальная сфера – образование – по-прежнему является частью большого государственного механизма. В связи с этим ребенок, которого ставят на этот путь родители, государство и общество, вынужден интегрироваться в рейтинговую среду, порожденную иерархией. Именно рейтинговая среда формирует в ребенке одну из важных, на взгляд автора, черт национального характера – состязательность. Она (рейтинговая среда) позволяет китайцу войти, говоря архаизмами, в класс “бай син” (аристократии) либо в класс “ли минь” (простого малообразованного народа). В связи с этим следует отметить, что китаец стремится к образованию не потому, что искренне тянется к культурному познанию, а потому, что образование принесет ему социальный престиж и материальное благополучие.

Исходя из вышесказанного, также становится понятным отношение ко мне китайских начальников, ставивших в пример “образцовое” поведение своих коллег-соотечественников, недавно прошедших весь путь образования. Естественно, что состязательность в работе является двигателем производства, и желание брать все больше и больше работы будет только поощряться. На самом деле рейтинговый подход в Китае проецируется не только на сферу образования, но и на все сферы государственной деятельности. Из китайских газет и журналов, теле- или радионовостей – отовсюду можно узнать, что Китай занял первое место, например, по внешнеторговому обороту продукции машиностроения и электроники, или по добыче золота, или по поголовью свиней, или выиграл Олимпиаду-2008 или Универсиаду-2011 в итоговом медальном зачете. Конечно, политика Китая направлена прежде всего на афиширование только позитивных для его имиджа результатов, главным образом количественных, и, разумеется, первые места, которые эта страна занимает по количеству смертных казней или абортгов, никто не оглашает. Однако важно другое – то, что стрем-

ление представителей китайских властей и образованного класса во всем добиться статуса *чжуаньюань* (“самый лучший”) кроется в рейтинговом подходе, берущем начало в школе.

Чтобы стать самым лучшим, нужно учиться у самого лучшего, во всем брать с него пример, молиться на него, мифологизировать его, использовать его вещи, которые обязательно принесут успех и удачу. Если ребенок (или взрослый человек) не имеет статуса *чжуаньюань* или не стремится к нему – он становится дешевым ресурсом, который находится вне какого-либо внимания.

Однажды один ученый спросил ребенка, идущего в школу: “Как же тебе тяжело учиться! А для чего ты делаешь это?” – “Для того чтобы поступить в хорошую школу”. – “А зачем тебе поступать в хорошую школу?” – “Чтобы затем поступить в хороший университет”. – “А почему ты хочешь учиться в хорошем университете?” – “Чтобы найти хорошую работу”. – “Для чего тебе нужна хорошая работа?” – “Чтобы жениться”. – “А зачем жениться?” – “Чтобы родить ребенка”. – “А с какой целью родить ребенка?” – “Чтобы отправить его в школу” (*Чжан Вэньчжи* 2009: 126–127).

Таблица 2

Перечень транслитераций и оригинальных написаний, приводимых в тексте

ба гу вэнь	八股文	сян сюэ	乡学
бай син	百姓	сяо	孝
бу бу гао шэн	步步高升	тяо лунмэнь	跳龙门
ван нюи чэн фэн	望女成凤	ци фу вэй ма	骑父为马
ван цзы чэн лун	望子成龙	цзюньцзы	君子
гаокао	高考	чжуаньюань	状元
гаокао баому	高考保姆	чжуаньюань бин	状元饼
гаокао мицзи	高考密集	чжуаньюань нэйку	状元内裤
гаокао синфэнь цзи	高考兴奋剂	чжуаньюань цзиди танбао	状元及第汤包
го сюэ	国学	чжуаньюань цзиди чжоу	状元及第粥
гуань сюэ	官学	чжуаньюань цзун	状元粽
каоши пай мин	考试排名	чжунго байцян чжунсюэ	中国百强中学
кэцзюй	科举	чжэн цзяо хэ и	政教合一
ли минь	黎民	ши нянь хань чуан у жэнь вэнь, и цзюй чэн мин тянься чжи	十年寒窗无人问, 一举成名天下知
ли тяо лунмэнь	鲤跳龙门	шифаньсин гаочжун	示范性高中
лю и	六艺	шичжундянь	市重点
сэ ши янь	谢师宴	шэн сюэ янь	升学宴
сюань ши	选士	шэнчжундянь	省重点
сюэ цзай гуаньфу	学在官府	шэньши	绅士

Примечания

¹ *Кэцзюй* – государственные экзамены на право поступления на государственную службу.

² *Гаокао* – система единых государственных экзаменов в высшие учебные заведения Китая.

³ Оригинальное иероглифическое написание здесь и далее см. Табл. 2.

⁴ Есть мнение, что это предание повествует об эпизоде из жизни известного поэта Нового времени Цю Фэнцзя (1864–1912).

⁵ Гуаньинь – богиня милосердия, покровительница домашнего очага и детей.

⁶ Нефритовый жезл символизировал власть и бессмертие. По китайской традиции, если рождался мальчик, то жезл клали в его кроватку.

⁷ “Сто школ” – период в истории китайской философии, в течение которого получили развитие различные философские направления: конфуцианство, даосизм, моизм, легизм и др.

⁸ “Сы шу” – свод канонических конфуцианских текстов: “Лунь юй”, “Мэнцзы”, “Чжун юн” и “Да сюэ”.

⁹ “У цзин” – свод канонических конфуцианских книг: “И цзин”, “Ши цзин”, “Шу цзин”, “Ли цзи” и “Чунь цю”.

¹⁰ Четыре великих китайских изобретения: бумага, книгопечатание, порох и компас.

¹¹ Цзунцзы – клейкий рис, завернутый в тростниковые листья.

¹² Коэффициент Джини – статистический показатель, свидетельствующий о степени социального расслоения в данной стране.

Источники и литература

Бу Фаньлун 2011 – Многочисленные рассуждения о суевериях, связанных с гаокао / Отв. ред. Бу Фаньлун. 18 мая 2011 [Gaokao mixun shuofa duo] [Электронный ресурс]. URL: <http://learning.sohu.com>.

Ван Бинчжао 2002 – Ван Бинчжао. Исследование системы кэцзюй в Китае. Шицзячжуан, 2002 [Wang Bingzhao Zhongguo keju zhidu yanjiu. Shijiazhuang, 2002].

Все о Китае 2002 – Все о Китае. Т. 2. М., 2002.

Го Пэн 2003 – Го Пэн. История древнего Китая. Пекин, 2003 [Guo Peng Zhongguo gudai shi. Beijing, 2003].

Дин Лэй 2007 – Дин Лэй. Всю ночь читать и говорить о поднятой с “гаокао баому” вуали. 30 мая 2007 [Ding Lei Tongxiao peidu, peiliao liaoqi gaokao baomu de miansha] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ln.xinhuanet.com>.

Закон... 1986 – Закон КНР “Об обязательном образовании”. Пекин, 1986 [Zhonghua renmin gongheguo yewu jiaoyu fa].

Закон... 1995 – Закон КНР “Об образовании”. Пекин, 1995 [Zhonghua renmin gongheguo jiaoyu fa].

Крюков и др. 1993 – Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., Малявин В.В. Этническая история китайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1993.

Лу Синь 1954 – Лу Синь. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М., 1954.

Лю Ган 2009 – Лю Ган. Тенденции изменения коэффициента Джини в Китае. 11 окт. 2009 [Zhongguo jinni xishu de weilai zoushi] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studa.net/china>.

О школе... 2011 – О Хуанганской (Хубэй) средней школе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hbshgzhx.com/Article/rshg/xxjj/201203/2140.html>.

Обследование... 2005 – Результаты самого последнего общегосударственного обследования показывают, что 20,4% школьников думали о самоубийстве. 2005 [Quan guo zui xin diaocha jieguo xianshi 20,4% de zhongxuesheng xiangguo zisha] [Электронный ресурс]. URL: <http://news.163.com>.

Отчет... 2009 – Научно-исследовательский отчет о китайских студентах, получивших наивысшие экзаменационные баллы при вступлении в вуз [Электронный ресурс] // Ассоциация выпускников Китая [сайт], 2009. [Zhongguo gaokao zhuangyuan yanjiu baogao. Zhongguo xiaoyouhui wang, 2009]. URL: <http://www.cuaa.net>.

Синьхуа 2010 – Коэффициент Джини в Китае уже превысил отметку 0,5, что, вероятно, приведет к социальным беспорядкам // Экономическая справочная газета. 21 мая 2010 [Xinhua she: zhongguo jinni xishu yi chao 0,5 keneng dao zhi shehui dongluan // Jingji cankao bao] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jjckb.cn>.

Словарь... 2000 – Большой китайский словарь историй идиоматических выражений. Шанхай, 2000 [Zhonghua chengyu gushi da cidian. Shanghai, 2000].

Чжан Вэньчжи 2009 – *Чжан Вэньчжи*. Изменяются родители – изменяются и дети. Пекин, 2009 [Zhang Wenzhi. Fumu gaibian haizi gaibian. Beijing, 2009].
Ян Цифу 2003 – *Ян Цифу*. Система кэцзюй и культура Нового времени. Пекин, 2003 [Ya Qifu Keju zhidu yu jindai wenhua. Beijing, 2003].

A.A. Z a k u r d a e v. School and Pupil in the Chinese Concept of Education: Traditions and Modernity

Keywords: school, pupil, examination, ranging, rating, outstanding performer, inequality, superstition

The article discusses the school and the pupil in the context of the Chinese educational system. The author argues that the connection between the modern system of education and the state power has remained within the framework of traditional notions, which not only has determined a specific nature of education but also has become an essential condition for the shaping of a distinctive national character trait of the modern Chinese.